

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

ЯЗЫКОВАЯ УСТАНОВКА И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЗАПАДНОЙ И РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Э.В. Хилханова

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия; erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru; erzhen74@yahoo.com

Аннотация: Цель данной статьи — рассмотреть сходства и различия понятий *языковые установки* и *языковые идеологии*, близость которых имплицитует их синонимичность и даже идентичность. Особое внимание уделяется тому, как интерпретируются и используются данные понятия в российском и западном научном дискурсе. Установлено, что языковые установки и языковые идеологии различаются по ряду параметров: групповое vs. индивидуальное, абстрактное vs. конкретное, степень нормативности и осознанности (рационализации), характер приобретения. Показано наличие двунаправленного причинно-следственного влияния между языковыми установками и языковыми идеологиями, но более понятным является механизм того, как идеологии в качестве более всеобъемлющего и абстрактного конструкта могут влиять на установки и языковые практики. Языковые идеологии отличаются от языковых установок и тем, что последние не обязательно выливаются в речевое поведение и могут оставаться на уровне отношения к языку без каких-либо действий, в то время как языковые идеологии обнаруживаются через языковые практики. Подчеркивается, что термин *идеология* имеет как широкое, так и более узкое значение; в первом случае идеология понимается как всеобъемлющий конструкт без политических коннотаций, присущий любой социальной группе, во втором источником ее видятся правящие группы, навязывающие ее подчиненным группам.

Ключевые слова: языковые установки; отношение к языку; языковые идеологии; социолингвистика; субъектность; российский и западный научный дискурс

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Для цитирования: Хилханова Э.В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.

LANGUAGE ATTITUDES AND LANGUAGE IDEOLOGIES IN WESTERN AND RUSSIAN SCHOLARSHIP: THE DIFFERENTIATION OF CONCEPTS

Erzhen V. Khilkhanova

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru; erzhen74@yahoo.com*

Abstract: The purpose of the article is to consider the similarities and differences between concepts of *language attitudes* and *language ideologies*, the proximity of which implies their synonymy and even identity. Particular attention is paid to how these concepts are interpreted and used in Russian and Western scientific discourse. The research revealed that language attitudes and language ideologies differ in a number of parameters: the degree of normativity and awareness (rationalization), the nature of acquisition, group vs. individual representations, and abstract vs. object-specific character. The paper shows the bidirectional causal influence between language attitudes and language ideologies, although it is more evident how ideologies, as a more comprehensive and abstract construct, can influence attitudes and language practices. Language ideologies also differ from language attitudes in that the latter do not necessarily translate into speech behavior and can remain at the level of attitude to language without any actions, while language ideologies are detected through language practices. It is emphasized that the term ideology has both a broad and a narrower meaning; in the first case, ideology is understood as an all-encompassing construct without political connotations, inherent in any social group, in the second case, its source is seen in ruling groups imposing it on subordinate groups.

Key words: language attitudes; attitude to language ideologies; linguistic ideologies; sociolinguistics; subjectivity; Russian and Western scientific discourse

Funding: The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy — multilingual Russia as an example”.

For citation: Khilkhanova E.V. (2022) Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: the Differentiation of Concepts. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 148–162. (In Russ.)

Понятия *language attitudes* и *language ideologies* связаны с категорией субъектности и субъективности в лингвистических исследованиях, представляя собой так называемый человеческий фактор в языке, долго остававшийся вне зоны интересов лингвистов как «ненаучный» и создающий «наивысшие сложности при анализе языковых средств» [Колшанский, 2005: 87]. На Западе изучение языковых идеологий представляет собой уже отдельную, теоретически и методологически разработанную область исследований.

Некоторые считают, что языковая идеология стала в последние годы центральным понятием в (западной) социалингвистике [McKenzie, 2010: 20]. В российской социалингвистике языковые установки начинают исследоваться примерно с конца XX в., а языковые идеологии — уже после 2010-х годов [см., напр., Загрязкина, 2017; Баранова, Федорова, 2018; Куцаева, 2020; Москвичева, Гасанов, 2021; Гришечко, 2017; Хилханова, 2020; Khilkhanova, 2021]. Однако остается заметным различие и в количестве публикаций, и в научных интерпретациях, что отсылает нас к определенной автономности научных «миров» (условно говоря, западного и российского). Помимо этого, как метко было подмечено А.В. Рубцовым, понятие идеологии является *enfant terrible* в российской науке и вызывает отторжение [Рубцов, 2016].

Но этим не исчерпывается проблемный характер термина *языковые идеологии*. Важным теоретическим и методическим вопросом, уже назревшим сегодня, является разграничение концепций *языковые идеологии* и *языковые установки*, что и является целью данной статьи.

В западной социальной психологии, откуда берет начало понятие *language attitudes*, с его помощью описываются относительно стабильные тенденции восприятия, оценки и действия по отношению к социальным объектам. В рамках менталистского подхода под установкой индивида понимается психическая и нервная готовность к реакции, которая структурируется его опытом и руководит поведением индивида по отношению к предмету установки [Allport, 1935: 810]. Все характеристики установок относятся и к языковым установкам как их подвиду.

В социалингвистику понятие языковых установок (далее — ЯУ) вошло с работами Уоллиса Ламберта и его коллег и с тех пор развивалось только в западной, в первую очередь англосаксонской лингвистике. В России ЯУ уделялось мало внимания в силу ряда причин. Среди них следует назвать еще более сильное и продолжительное, чем в западной лингвистике, недоверие к субъективным фактам и факторам. Поэтому показательно, что во многих российских лингвистических словарях нет даже определения ЯУ, что еще раз подтверждает разницу научных традиций. Нередко ЯУ находятся в словарной статье «установки» или «социальные установки», как это сделано, например, в Словаре социалингвистических терминов [Михальченко, 2006].

ЯУ «принципиально неосознаваемы», на чем настаивали в школе классика грузинской и в целом отечественной психологии Д.Н. Узнадзе, поставившего это понятие в самую основу учения о психическом [Имедадзе, 1978: 222; Узнадзе, 2001]. Не имея возможности

остановиться подробно на теории Узнадзе, подчеркнем лишь некоторые ее существенные моменты, касающиеся ЯУ. Узнадзе понимал ЯУ в духе собственной теории установки как опосредующее звено в триаде «стимул–установка–реакция». ЯУ, по Узнадзе, это и есть гумбольдтовская «внутренняя форма» языка [Узнадзе, 2004: 398]. Д.Н. Узнадзе путем эксперимента и наблюдения было доказано наличие и действие ЯУ, но интерпретация их как внутренней формы языка не делает акцента на социальном аспекте. Он также не оставил четкой процедуры анализа ЯУ; вследствие всего этого, видимо, его концепция ЯУ не получила дальнейшего развития.

В отличие от его теории, в социальной психологии считается уже классической трехкомпонентная структура установок, в том числе и языковых, включающая когнитивный (знание), аффективный (оценки и эмоциональные реакции) и конативный (готовность к действию) компоненты. Не всегда все три измерения могут присутствовать в некоей конкретной установке и не всегда их можно разделить [Bohner, Wanke, 2002], но оценочность — это ключевой момент в установке, в том числе и языковой. Конативный компонент может быть, а может и не быть (подробнее об этом см. далее).

Имеющийся в западном научном сообществе консенсус относительно структуры ЯУ компенсирует отсутствие общепринятой дефиниции, которые накладываются друг на друга и порой имеют лишь незначительные отличия. Общим является то, что (языковые) установки: 1) являются гипотетическим конструктом, т.е. не могут быть непосредственно наблюдаемы; 2) носят оценочный характер; 3) относятся к объекту.

Вопрос о языковых идеологиях (далее — ЯИ), если рассматривать его во всей полноте, крайне сложен. Сошлемся, например, только на географическую привязку и национальные традиции исследования ЯИ и категории субъектности в целом. Большинство известных авторов в этой сфере начиная с М. Сильверстайна (которого многие называют основоположником изучения ЯИ) представляют североамериканскую традицию лингвоантропологических исследований [см. об этом, например: Kroskrity, 2010: 192]. Именно на работы таких авторов, как J. Blommaert, M. Silverstein, J. Irvine, S. Gal, P. Kroskrity, K. Woolard и некоторых других ссылаются, как правило, и российские исследователи ЯИ. При этом существует и мощная европейская традиция, для которой идеологическая природа языка была очевидна еще до второй мировой войны.

Например, концепция идеологии и субъекта, предложенная во Франции в 1970-х годах неомарксистом Луи Альтюссером, является развитием идей Э. Бенвениста, В.Н. Волошинова, М. Пэше о роли субъекта в языке, гетерогенности, полифонии и диалогизме дис-

курса. Идеология, по Альтюссеру — это «представление» о вообразяемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования, она существует только в субъекте и для субъекта, но при этом обладает материальным существованием. Под материальным существованием Альтюссер понимает всю ритуализованную деятельность людей: мессу в небольшой церкви, погребение, день занятий в школе и т.д. Другими словами, идеология всегда существует в практиках ИАГ — идеологических аппаратов государства (религиозном ИАГ, школьном ИАГ и др.) [Альтюссер, 1970].

Идеи Альтюссера прослеживаются и разрабатываются еще глубже в работах его учеников: в концепции габитуса и символических систем П. Бурдьё, в институциональных дискурсах М. Фуко. Хотя вся современная философия делает акцент на проблеме языка [Рубцов, 2016: 14], язык занимает разное место в теоретических построениях мыслителей, исследовавших тему идеологий. Поэтому, оставив за рамками данной статьи идеологии вообще, сосредоточимся на интерпретациях языковых идеологий.

Исторически более ранним и простым является понимание идеологии вообще и ЯИ, в частности, как и орудия, и объекта идеологической борьбы, а языка — соответственно, как инструмента пропаганды и манипулирования общественным мнением. Этой интерпретации отдали дань многие советские ученые [см., например: Бахнян, 1983]. Сейчас под языковой идеологией, как правило, имеются в виду морально и политически нагруженные представления о природе, структуре и использовании языков в социальном мире [Irvine, 1989]. Идеология находится в диалектической связи с социальными, дискурсивными и лингвистическими практиками и, следовательно, оказывает на них существенное влияние [Woolard, 1992: 235]. Их «молчаливый», само собой разумеющийся характер способствует «натурализации» здравого смысла, что в конечном счете укрепляет языковое и социальное неравенство [McCarty, 2011: 10].

В этом смысле термин (*языковая*) идеология используется целым рядом ученых и научных школ, преимущественно придерживающихся леводемократических взглядов. Если исходить из традиции М. Фуко, то изучение ЯИ связано с изучением институциональных значений и оценок, которые систематически выражаются в соответствующих дискурсах [Foucault, 1988]. В традиции П. Бурдьё ЯИ представляют собой символическую продукцию как инструмент господства [Бурдьё, 2007].

Вскрытие идеологизированных и зачастую неявно выраженных структур власти, политического контроля и доминирования, стратегий включения и исключения, выраженных в языке и используе-

мых в дискриминационных целях, становится целью широкого направления дискурсного анализа — критического анализа дискурса (КАД). КАД рассматривает дискурс как форму социальной практики [Fairclough, Wodak, 1997] и исходит из того, что дискурсы формируют социальную практику и в то же время формируются ею [Wodak et al., 1999]. Такой подход обуславливает интерес ученых, практикующих КАД, к дискурсам определенного рода — коммуникации в СМИ, политике и других политически ангажированных институциональных областях. Тем самым КАД представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику. В отличие от других типов анализа дискурса, КАД не претендует на объективность, не занимает позицию социально нейтрального анализа, так как подобная мнимая политическая индифферентность, по мнению его представителей, в конечном счете способствует поддержанию несправедливого status quo.

Сложность изучения идеологий обусловлена их когнитивной природой. Они, с одной стороны, представлены у людей «в голове» (в структуре памяти), но с другой стороны, они социальные, т.е. представляют собой систему социальных когнитивных структур, общую для членов некоторой группы и состоящую из набора релевантных установок, которые на высших уровнях организованы в соответствии с избранными групповыми нормами, ценностями и интересами [ван Дейк, 1989: 30].

Как видно из вышесказанного, ЯУ и ЯИ являются близкими и накладывающимися друг на друга концепциями, так что некоторые авторы считают их практически идентичными. Однако ЯИ и ЯУ — это все же разные области исследований, и различия между ними связаны с происхождением данных понятий, традициями и методами исследования [см. об этом: Baker, 1992; Kroskrity, 2016; Хилханова и др., 2016].

Наиболее лапидарно различия между ЯИ и ЯУ сформулировал К. Бейкер, говоря об *идеологии как «глобальной установке»* (global attitude). Разграничение тем самым проходит в основном по линии *«групповое — индивидуальное»*: идеология, по Бейкеру, относится больше к кодификации групповых норм и ценностей, представляя на индивидуальном уровне «философию жизни». В установках Бейкер признает как групповые, так и индивидуальные репрезентации, но с превалированием индивидуального, что проявляется, в частности, в том, что установки, как правило, привязаны к конкретным объектам (например, отношение к фризскому языку) [Baker, 1992: 15].

О конкретности и абстрактности как критериальных признаках, позволяющих различать ЯУ и ЯИ, писали впоследствии и

другие ученые. Г. Майо, Дж. Олсон, М. Бернارد и М. Люк, рассматривая вместе с установками и идеологиями также ценности, различают их по разной степени абстракции: если установки могут быть в отношении как конкретных, так и абстрактных объектов (пицца и цензура как примеры первого и второго), то ценности сосредоточены исключительно на абстрактных идеалах, таких как свобода, равенство, готовность оказать помощь. Идеологии еще более абстрактны, чем ценности, так как включают наборы ценностей и установок [Maio et. al., 2006: 284].

Эти же авторы отмечают также то, что идеологии и установки различаются *по степени нормативности, прескриптивности*: ценности и идеологии более прескриптивны, чем установки. Например, у людей не бывает ощущения, что они обязаны покупать мороженое с тем вкусом, который им нравится. Но если они ценят готовность помочь людям, то они могут чувствовать себя обязанными помочь нуждающимся. Характер приобретения индивидуумом ЯУ и ЯИ также неодинаков, хотя как те, так и другие формируются на основании прошлого жизненного опыта, который может быть непосредственным (прямым) и косвенным (основанным на информации, полученной из других источников). Хотя всё на жизненном пути человека влияет на формирование ЯУ и ЯИ, непосредственный опыт (например, семейное воспитание) более релевантен для установок, так как они более конкретны и специфичны, а косвенный — для идеологий (например, СМИ) [Maio et. al., 2006].

В соотношении идеологий и установок более понятным является механизм того, как идеологии могут влиять на установки, поскольку идеологии представляют собой «всеобъемлющий контекст, в рамках которого формируются и разыгрываются установки» [Dyers, Abongdia, 2010: 132]. О влиянии абстрактного уровня (идеологии) на конкретный (установочный паттерн) пишет также М.М. Раевская. В ее статье говорится о наличии мотивационной связи между идеологией и установочным отношением, когда языковые идеологии могут мотивировать разные отношения к одному и тому же объекту языка. Таким образом, идеологии через ментальные установки могут влиять и на лингвистическую практику [Раевская, 2019: 27]. Следовательно, установка может выражать идеологию. Однако, поскольку мало документированных свидетельств того, как конкретно установка может быть производной от идеологий, некоторые авторы предпочитают говорить о том, что идеологии могут служить *post-hoc* оправданием установок [Ianos, 2014: 108]. Обратный процесс — как установки могут влиять на идеологии, может выглядеть следующим образом: установки людей могут влиять на их ценности, которые, в свою очередь, влияют на их идеологии. В целом

ясно, что ни один из этих конструктов не существует в изоляции друг от друга, и между ними существует двунаправленное причинно-следственное влияние [Maio et. al., 2006; Kroskrity, 2010].

Если все же попытаться сформулировать главное отличие ЯУ от ЯИ, то следует согласиться с Ш. Дайерс и Дж.-Ф. Абонгдиа, которые утверждают, что ЯУ и ЯИ принципиально различаются только в одной основной области: «Идеологии создаются в интересах определенной социальной или культурной группы: т.е. они коренятся в социально-экономической власти и корыстных интересах доминирующих групп» [Dyers, Abongdia, 2010]. При этом подчиненные группы, которым навязываются такие идеологии, постепенно начинают воспринимать их как «нормальные» модели поведения, но могут и развивать свои собственные идеологии и дискурсы, противоположные идеологиям сильных мира сего.

Однако здесь следует хорошо осознавать, что термин *идеология* имеет как широкое, так и более узкое значение. Прочитанное выше утверждение Дайерс и Абонгдиа относится к более узкому пониманию идеологии, когда источником ее видятся правящие группы, навязывающие ее подчиненным группам. В более широком понимании идеологии акцент не делается на политических коннотациях. Идеология понимается как всеобъемлющий конструкт, вне которого никто не может находиться [см. также: Silverstein, 1979]. Соответственно, идеологии присущи любой социальной группе (например, языковая идеология профессионального сообщества преподавателей французского языка [Загрязкина, 2016]); более того, некая группа или движение может считаться существующей только тогда, когда она в состоянии сформировать собственную идеологию. Степень сформированности идеологии можно опознать как по языковому маркеру «внешнего» признания — суффиксу -изм (феминизм, расизм и т.д.), так и по идущим «изнутри» попыткам создания собственного «языка». Создание квази-языка (дискурса) под силу только наиболее институционализированным и огосударствленным идеологиям (социализм, нацизм и т.д.), а социальные группы и движения могут инициировать менее масштабные изменения в языковой структуре и использовании языка. Так, идеологии феминизма мы обязаны появлением феминитивов и целым рядом инициатив, направленных против сексизма в языке (отказ от употребления местоимения *he* в собирательной функции и т.д.).

Поскольку суть идеологии в том, чтобы повлиять на социальную действительность в целях либо изменения, либо сохранения *status quo*, они неизбежно воплощаются в социальных практиках (о чем говорил еще Л. Альтюссер), включая языковые практики [Раевская, 2019; Dyers, Abongdia, 2014]. В этом заключается одно из ключевых

отличий ЯИ от ЯУ. В отличие от (языковых) идеологий, (языковые) установки и реальное поведение могут не совпадать. Это открытие было сделано в конце 1960-х годов после публикаций результатов экспериментов Ля Пьером и Аланом Викаром [Eagly, Chaiken, 1993]. Несоответствие между сведениями людей об их ЯУ или речевом поведении и их действительным поведением свидетельствует о конфликте либо между метаязыковым сознанием и ЯУ, либо между компонентами ЯУ. Так, например, если объектом ЯУ является миноритарный язык, то у его носителей может быть несоответствие аффективного компонента ЯУ когнитивному или когнитивного конативному. Таким образом, ЯУ не обязательно выливаются в речевое поведение, они могут продолжать оставаться на уровне отношения к языку без каких-либо действий. В отличие от ЯУ, ЯИ «становятся видимыми благодаря реальной языковой практике» [Dyers, Abongdia, 2014: 16].

И, наконец, важным отличительным признаком является степень осознания ЯУ и ЯИ. Если ЯУ изначально не осознаются (но при этом выводимы на уровень сознания, т.е. на метаязыковой уровень), то ЯИ функционируют во взаимодействии осознанных и неосознанных процессов. Как пишет А.В. Рубцов, идеологии не могут быть полностью иррациональными, это пусть частичная и фрагментарная, но рационализация. В частности, нормативная составляющая ЯИ, о которой говорилось выше — это «конstellация идеологем и правил, т. е. набор инструкций, в том числе и в отношении образа социального мира» [Рубцов, 2016: 16].

Подводя итог, подчеркнем, что сравнение в небольшой статье понятий, принадлежащих научным традициям разных стран, и сформировавшихся вокруг них научных областей — задача, заведомо предполагающая то, что какие-то авторы и концепции будут очерчены только схематично или не упомянуты. Попытка обозначить основные параметры, по которым можно разграничить понятия *языковые установки* и *языковые идеологии*, была сделана только потому, что перенос этих концепций на российскую почву происходит не беспроблемно, а растущий корпус исследований по ним требует терминологической и концептуальной определенности.

Поведение человека определяется воздействием окружающей действительности не непосредственно, а опосредованно — через целостное отражение этой действительности в субъекте деятельности, через его установку. В воздействии окружающей реальности всегда присутствует идеологическая составляющая, которая не просто «вставляется» в сознание, в его процессы и продукты как готовый модуль, а «производится внутри самого субъекта и самим субъектом, хотя и под контролем и влиянием» [Рубцов, 2016: 31].

Это (вос)производство ценностных и поведенческих ориентиров свойственно и идеологии, и установке, но идеологии рационализируются в большей степени, чем установки. Хотя и (языковые) установки бывают коллективные, в них все же превалирует индивидуальное и эмоционально-оценочное ввиду привязки к конкретным объектам (языки и всё, что с ними связано: языковая структура, использование языка, носители тех или иных языков и т.п.). ЯИ, напротив, бывают и индивидуальными, но они усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах и имеют социальные последствия. Как таковые, (языковые) идеологии представляют собой более широкое понятие, чем ЯУ, и характеризуются более высоким уровнем абстракции.

Помимо широкого значения, ЯИ имеют и более узкое значение. В интерпретации КАД вслед за М. Фуко и П. Бурдьё, ЯИ могут создаваться и манипулироваться путем лингвополитических мер через институты власти и образования. Как ЯУ, так и ЯИ могут быть реконструированы через высказывания или действия людей. При этом действия (поведение) могут быть более достоверным источником ЯИ и ЯУ (например, семейная или государственная языковая политика), чем высказывания, так как сознание, находящееся под воздействием тех или иных ЯИ и ЯУ — национальных, гендерных, норм политкорректности и т.д. — может «отфильтровать» истинные установки индивида на пути к их вербализации. Однако само несоответствие объективных и субъективных данных (напр., реальной языковой ситуации и сведений информантов о владении языком) может дать представление о ЯИ и ЯУ опрашиваемых.

При этом важен вопрос методики исследования, который вынужденно остался за рамками статьи. Можно только кратко сказать, что для изучения ЯУ наиболее адекватными являются экспериментальные и косвенные методы (подробнее см. об этом в: [Хилханова и др., 2016]), а для изучения ЯИ — качественные методы (напр., различные вариации дискурсного анализа — КАД, ТСА (Thematic Content Analysis)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). 1970. Пер. с фр. С. Рындина. URL: <https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-lui-altyusser.html> (дата обращения: 02.03.2022).
2. *Бахьян К.В.* Язык и идеология: социолингвистический аспект // Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983. С. 34–58.
3. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.

4. *Ван Дейк Т.А.* Расизм и язычество / Пер. с англ. М., 1989.
5. *Гришечко О.С.* Языковая идеология: теория описания и практика воплощения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 11 (77): В 3 ч. Ч. 2. С. 62–65.
6. *Загрякина Т.Ю.* Лингвистическая идеология и ценности общества в контексте обучения французскому языку и культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 27–41.
7. *Загрякина Т.Ю.* Французский язык в русскоязычном пространстве: традиции обучения как феномен культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 78–89.
8. *Имедадзе Н.В.* Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. Тбилиси, 1978.
9. *Колишанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. 2-е изд., доп. М., 2005.
10. *Куцаева М.В.* Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб., 2020.
11. *Михальченко В.Ю.* (ред.) Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.
12. *Москвичева С.А., Гасанов М.М.* Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в Азербайджанской общине в Москве // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3(33). С. 59–69. DOI 10.23951/2307-6119-2021-3-59-69.
13. *Раевская М.М.* Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 24–35.
14. *Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А.* Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2016.
15. *Узнадзе Д.Н.* Общая психология / Пер. с груз. Е.Ш. Чомахидзе; под ред. И.В. Имедадзе. М.; СПб., 2004.
16. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. СПб., 2001.
17. *Хилханова Э.В.* Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324.
18. *Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б.* Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М., 2016.
19. *Allport G.W.* Attitudes // Handbook of social psychology / Murchison C. (Hrsg.). Worcester, Mass, 1935. P. 798–844.
20. *Baker C.* Attitudes and language. Clevedon, 1992.
21. *Bohmer G., Wanke M.* Attitudes and attitude change. Hove, 2002.
22. *Dyers C., Abongdia J.-F.* An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone learners of English in Cameroon // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2010. № 31(2). P. 119–134.
23. *Dyers C., Abongdia J.-F.* Ideology, policy and implementation: Comparative perspectives from two African universities // Stellenbosch Papers in Linguistics. Vol. 43. 2014. P. 1–21. DOI 10.5774/43-0-157
24. *Eagly A.H., Chaiken S.* The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace College, 1993.
25. *Fairclough N., Wodak R.* Critical Discourse Analysis // T. van Dijk (Ed.). Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. L., 1997. P. 258–284.

26. Foucault M. Archäologie des Wissens. Frankfurt a. M., 1988.
27. Ianos M.A. Language attitudes in a multilingual and multicultural context. The case of autochthonous and immigrant students in Catalonia. Doctoral Dissertation. Lleida, 2014.
28. Khilkhanova E. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western Europe from a translanguaging perspective // *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*. 2021. Vol. 1, no. 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000
29. Kroskrity P. Language ideologies and language attitudes. 2016. URL: <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122>; Language Ideologies and Language Attitudes — Linguistics — Oxford Bibliographies (accessed 11.04.2022)
30. Kroskrity P. Language ideologies: Evolving perspectives // Jurgen Jaspers (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam; Philadelphia, 2010. P. 192–211.
31. Maio G., Olson J., Bernard M., Luke M. Ideologies, Values, Attitudes, and Behavior. In J. Delamater (ed.) *Handbook of Social Psychology*. N.Y., 2006. P. 283–308. DOI: 10.1007/0-387-36921-X_12
32. McCarty T. L. (ed.). *Ethnography and language policy*. N.Y., 2011.
33. McKenzie R. *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer, 2010.
34. Silverstein M. *Language Structure and Linguistic Ideology*. Chicago, 1979.
35. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart M. *The Discursive Construction of National Identity*. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh, 1999.
36. Woolard K.A *Language Ideology: Issues and Approaches* // P. Kroskrity, B. Schiefelin, K. Woolard, eds. *Language Ideologies. Special Issue of Pragmatics*. 1992. № 2 (3). P. 235–249.

REFERENCES

1. Althusser L. 1970. *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya)* [Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research)]. Transl. from French by S. Ryndin. URL: <https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-lui-altyusser.html> (accessed: 02/03/2022). (In Russ.)
2. Bakhnyan K.V. 1988. *Yazyk i ideologiya: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Language and ideology: sociolinguistic aspect]. *Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeystviya* [Language as a means of ideological influence]. Moscow, INION. (In Russ.)
3. Bourdieu P. 2007. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Transl. from French; transl. ed. N. A. Shmatko. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii; S.-Petersburg, Aletejja. (In Russ.)
4. Van Dijk T.A. 1989. *Rasizm i yazyk: per. s angl.* [Racism and Language: transl. from English]. Moscow, INION (In Russ.)
5. Grischechko O.S. 2017. *Yazykovaya ideologiya: teoriya opisaniya i praktika voploshcheniya* [Linguistic ideology: description theory and practice of embodiment]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11 (77). In 3 vol. Vol. 2. Tambov, Gramota, pp. 62–65. (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Y. 2017. *Lingvisticheskaya ideologiya i cennosti obshchestva v kontekste obucheniya francuzskomu yazyku i kul'ture Francii* [Linguistic ideology and values of society in the context of learning the French language and the culture of

- France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–41. (In Russ.)
7. Zagryazkina T.Y. 2016. Francuzskij yazyk v russkoyazychnom prostranstve: tradicii obucheniya kak fenomen kul'tury [French language in the Russian-speaking space: the tradition of learning as a cultural phenomenon]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 78–89. (In Russ.)
 8. Imedadze N.V. 1978. *Eksperimental'no-psihologicheskoe issledovanie ovladeniya i vladeniya vtorym yazykom* [Experimental psychological study of mastering and proficiency in a second language]. Tbilisi, Mecniereba. (In Russ.)
 9. Kolshanskiy G.V. 2005. *Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [The objective picture of the world in cognition and language]. 2nd edition. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
 10. Kutsaeva M.V. 2020. *Funkcionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoy diaspore moskovskogo regiona* [Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of the Moscow region]. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istorija. (In Russ.)
 11. Mikhhalchenko V.Yu. (ed.). 2006. *Slovar sotsiolingvistikicheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, Institute of Linguistics of RAS Press. (In Russ.)
 12. Moskvicheva S.A. 2021. Yazykovye praktiki i yazykovye ideologii pri peredache yazyka v Azerbajdzhanskoj obshhine v Moskve [Language practices and language ideologies in the transmission of the language in the Azerbaijani community in Moscow]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3(33), pp. 59–69. DOI 10.23951/2307-6119-2021-3-59-69. (In Russ.)
 13. Raevskaya M.M. 2019. Yazykovaja ideologiya kak mental'naya model' i issledovatel'skaya paradigma. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 24–35. (In Russ.)
 14. Rubtsov A.V. 2016. *Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh processov v politicheskoy i sociokul'turnoy real'nosti* [Practical ideology. To the analysis of ideological processes in political and socio-cultural reality] In Ros. akad. nauk, In-t filosofii; A.V. Rubcov, T.B. Ljubimova, A.A. Syrodeeva. Moscow, IF RAN. (In Russ.)
 15. Uznadze D.N. 2004. *Obshhaya psikhologiya / per. s gruz. E.Sh. Chomakhidze: pod red. I.V. Imedadze* [General Psychology / transl. from Georgian by E.Sh. Chomakhidze: ed. by I.V. Imedadze]. Moscow, Smysl; Saint Petersburg, Piter. (In Russ.)
 16. Uznadze D.N. 2001. *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of an attitude]. Saint Petersburg, Piter. (In Russ.)
 17. Khilkhanova E.V. 2020. Lyudi v yazykovoj politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Evropy) [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. vol. 16.3, pp. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324. (In Russ.)
 18. Khilkhanova E.V., Dyrkheeva G.A., Lyubimova L.M., Sundueva D.B. 2016. *Yazykovo-soznanie i yazykovye ustanovki zhiteley prigranichnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykalskogo kraya)* [Language Consciousness and Language Attitudes of Residents of the Border Areas of the East of Russia (the Case of the Republic of Buryatia and the Transbaikal Region)]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
 19. Allport G.W. 1935. *Attitudes* In Murchison C. (ed.). *Handbook of social psychology*. Worcester, Mass, Clark University Press, pp. 798–844

20. Baker C. 1992. *Attitudes and language*. Clevedon, Multilingual Matters.
21. Bohner G., Wanke M. 2002. *Attitudes and attitude change*. Hove, Psychology Press.
22. Dyers C., Abongdia J. 2010. An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone learners of English in Cameroon. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, no. 31(2), pp. 119–134.
23. Dyers C., Abongdia J.-F. 2014. Ideology, policy and implementation: Comparative perspectives from two African universities. *Stellenbosch Papers in Linguistics*, vol. 43, pp. 1–21 doi: 10.5774/43-0-157
24. Eagly A.H., Chaiken S. 1993. *The psychology of attitudes*. Fort Worth, TX, Harcourt Brace College.
25. Fairclough N., Wodak R. 1997. *Critical Discourse Analysis* In T. van Dijk (ed.). *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, vol. 2. London, Sage, pp. 258–284.
26. Foucault M. 1988. *Archäologie des Wissens* [Archaeology of Knowledge]. Frankfurt a. M., Suhrkamp. (In German)
27. Ianos M. A. *Language attitudes in a multilingual and multicultural context. The case of autochthonous and immigrant students in Catalonia*. Doctoral Dissertation. Lleida, 2014.
28. Khilkhanova E. 2021. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective. *Balkanica et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*, vol. 1, no. 1, pp. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000
29. Kroskrity P.V. 2016. *Language ideologies and language attitudes*. URL: <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122>; Language Ideologies and Language Attitudes — Linguistics — Oxford Bibliographies (accessed: 11.04.2022)
30. Kroskrity P. 2010. *Language ideologies: Evolving perspectives* In Jurgen Jaspers (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, pp. 192–211. 10.1075/hoph.7.13kro.
31. Maio G., Olson J., Bernard M., Luke M. 2006. Ideologies, Values, Attitudes, and Behavior. In J. Delamater (ed.) *Handbook of Social Psychology*. New York, Springer, pp. 283–308.
32. McCarty T. L. (ed.). 2011. *Ethnography and language policy*. New York, Routledge.
33. McKenzie R. 2010. *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer.
34. Silverstein M. 1979. *Language Structure and Linguistic Ideology*. Chicago, Chicago Linguistic Society.
35. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart M. 1999. *The Discursive Construction of National Identity*. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh, Edinburgh University Press.
36. Woolard K.A. 1992. *Language Ideology: Issues and Approaches* In P. Kroskrity, B. Schieffelin, K. Woolard (eds.). *Language Ideologies. Special Issue of Pragmatics*, no. 2 (3), pp. 235–249.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
 одобрена после рецензирования 14.05.2022;
 принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 14.04.2022;
 approved after reviewing 14.05.2022;
 accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru; erzhen74@yahoo.com

ABOUT THE AUTHOR

Erzhen V. Khilkhanova — Dr. habil in Philology, leading researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru; erzhen74@yahoo.com